МИР ПИСАТЕЛЯ

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

Контуры русского неомодернизма

Об основных смыслах современной отечественной прозы

Как литературный критик, я приветствую неповторимый мир отдельного художественного произведения – прекрасного в своей единичности. Как литературовед и филолог-преподаватель, стремлюсь к систематизации литпроцесса, к обнаружению ключевых смыслов новейшей словесности, относительно единой в своём национальном движении. Помня о значении творческого слова и эстетически оформленных сюжетов для прояснения сегодняшней жизни народа и его будущего, я предлагаю увидеть в пространстве современной отечественной прозы комплекс идей, образов и концепций, определяющих главные мифы нашего времени. Эти мифы – не праздная фантазия одиноких авторов. В них – основы диагностики настоящего и возможные очертания будущего. Наша задача проста – лаконично описать мир новейшей русской прозы. Представим тезисы и кратко прокомментируем их.

Ставка на предельную индивидуализацию собственного художественного мира, эстетический эгоцентризм в построении персональной литературной вселенной, которая должна посылать читателю недвусмысленный сигнал о неповторимом характере данного сознания, ставшего романом или сборником рассказов.

Нам представляется непродуктивной оценка новейшей литературы как "сплошного постмодернизма" – системы риторических технологий, игровых практик, исключающих авторскую серьёзность и дидактический контакт между субъектом письма и читателем. Верно, что случился распад единого духовного и нравственного пространств, некогда гарантировавших общие, изначально принятые условия существования. Сейчас в границах литературного произведения об этих условиях надо договариваться, проясняя модель жизни, действительную только для данного типа творческого сознания. Но происходит этот процесс в рамках поэтики, близкой к модернизму. Не "интертекст", "деконструкция" или "эпистемологическая неуверенность" на первом плане, а заочная "война миров", развернувшаяся в литературном процессе наших дней. Миры А.Проханова и В.Пелевина, Ю.Мамлеева и В.Шарова, П.Крусанова и М.Шишкина – агрессивные, до мелочей продуманные модели, обладающие и особым художественным устройством, и ключевыми идеологемами.

Спланированное "падение слова", предусматривающее и лексическую ненормативность, и сюжетную парадоксальность: "переход границы" – норма присутствия автора в своём тексте, свидетельство о его "смелости", о возможности не только удивлять читателя, но и подчёркивать независимость от нормы, от классического "горизонта ожидания".

Норма (при всей условности этого понятия) ощущается современным писателем как вызов, который следует принять для демонстрации собственной смелости, готовности "перейти границу". В восприятии многих словесников нового столетия писатель – тот, кто шокирует, удивляет, сталкивает с "невозможным". Во-первых, ненормативность проявляется как освобождение лексики от сдерживающих нравственных скреп: здесь не только тексты В.Пелевина, В.Сорокина или В.Ерофеева, но и произведения писателей принципиально иного фланга: З.Прилепина, М.Елизарова, Р.Сенчина. Здесь и демонстрация власти писателя над языком, и стремление к житейскому реализму, отражающему "нищету" новейших дискурсов. Во-вторых, стоит вести речь о сюжетах, призванных создать эффект "внутреннего триллера" – жанра, пытающегося захватить сознание потрясённого читателя. Несколько примеров: "Человек звезды" (А.Проханов), "Теллурия" (В.Сорокин), "Крокодил" (М.Ахмедова), "Библиотекарь" (М.Елизаров), "Елтышевы" (Р.Сенчин), "После конца" (Ю.Мамлеев), "Русский садизм" (В.Лидский), "Комьюнити" (А.Иванов), "Икс" (Д.Быков), "Возвращение к Египет" (В.Шаров).

Собеседование с небытием – один из ключевых, смыслоорганизующих ходов в новейшей прозе: речь не идёт об исключительном "пессимизме" или "декадансе", просто в системе конфликтов современности межчеловеческие противостояния уходят на второй план, уступая место встрече героя с разными формами пустоты.

Пустота – не только пелевинская проблема. У автора "Священной книги оборотня" и "Бэтмана Аполло" многообразие восточных контекстов, игры в точке парадоксальной встречи буддизма и массовой культуры приводят к идеализированной пустотности, избавляющей от суеты "гламура" и "дискурса". Во всех романах А.Проханова небытие есть концентрация усилий Запада, который должен потерпеть поражение в эпическом столкновении с "Пятой империей", вобравшей все центральные идеи Русского мира Киевского, Московского, Петровского и Советского периодов. У В.Пелевина пустота – идеал, у А.Проханова – объект национальной атаки, которую возглавляет герой, аллюзивно контактирующий с личностью самого автора. В большинстве случаев художественный текст – не борьба с пустотой (тьмой, бездной, тотальной депрессией) и, разумеется не её прославление. Воспроизведение сложной, двойственной встречи с небытием занимает современных писателей значительно чаще: "Синяя кровь" Ю.Буйды, "Бураттини" М.Елизарова, "Пражская ночь" П.Пепперштейна, "Ереси" Э.Лимонова, "Письмовник" М.Шишкина, "Математик" А.Иличевского, "Всякий капитан – примадонна" Д.Липскерова, "Чёрная обезьяна" З.Прилепина, "Русский пациент" А.Потёмкина, "Заполье" П.Краснова, "Беглец из рая" В.Личутина.

"Национальное" – не спокойное, устойчивое, априорно признаваемое пространство, как в литературе 60-80-х годов, а кризисная, болезненная проблема, нуждающаяся в постоянном обсуждении. Утратив естественный характер присутствия, "национальное" становится объектом, определяя страсть современных писателей к историософским сюжетам и размышлениям.

Конечно, есть определённое упрощение в следующем рационалистическом тезисе: кризис национальной идентичности, русского характера в современной прозе способствует усилению интереса к проблемам историософского масштаба. "Художественная историософия" – идейно-эстетическая конструкция, вызванная желанием обсуждать судьбу России в драматическом, трагическом, утопическом или антиутопическом контекстах. С одной стороны, персональная историософия каждого отдельного автора – субъективный мир, не сводимый к доминантным идеологемам времени. С другой стороны, классическое противостояние "славянофилов" и "западников", "патриотов" и "либералов" нельзя считать исчерпанным. "Слева" располагаются со своими текстами (прежде всего, с романами) Б.Акунин, Д.Быков, М.Гиголашвили, В.Пелевин, В.Сорокин, Л.Улицкая, Т.Толстая, С.Алексеевич, В.Лидский, И.Стогов, М.Шишкин, А.Иличевский. "Справа" – А.Проханов, Ю.Мамлеев, З.Прилепин, С.Шаргунов, П.Краснов, В.Галактионова, П.Крусанов, М.Кантор, Е.Водолазкин, В.Личутин, Э.Лимонов, Ю.Козлов.

В пространстве героя есть смысл указать на кризис простого, "нормального" человека, бывшего личностной основой русской литературы 60-80-х годов. В процессе нарастающей дегуманизации его место занимает "странный", "аутичный", "шизоидный" герой, который призван стать знаком "интересного", привлекательного для читателя сюжета, предусматривающего исход из обыденности.

Надо признать, что в современном литературном процессе есть попытки повернуть сюжет художественного произведения к жизни "обыкновенного" человека. Особенно очевидно это стремление у "новых реалистов" (З.Прилепин, Р.Сенчин, С.Шаргунов, Д.Гуцко) и у писателей старшего поколения, ориентирующихся на реализм позднесоветского периода (П.Краснов, Ю.Серб, Н.Дорошенко). Но в значительно большем объёме присутствуют герои, обособляющиеся от обыденности и от судьбы, мотивированной житейскими контекстами. В пространстве современной прозы действуют гениальные математики и потенциальные творцы новых религиозных сознаний ("Математик" и "Перс" А.Иличевского), парадоксальные борцы с апокалиптическими сектами ("Pasternak" и "Библиотекарь" М.Елизарова), поэты-киллеры ("Пражская ночь" П.Пепперштейна), оборотни и вампиры (многие романы В.Пелевина), нелюди самых разных очертаний ("Трилогия", "Метель", "Теллурия" В.Сорокина), русские герои, соединяющие интеллект и воинскую отвагу для уничтожения тьмы Запада ("Господин Гексоген", "Пятая империя", "Человек звезды", "Время золотое" А.Проханова), чудовищные монстры и персонажи, активно несогласные с их присутствием ("Русские походы в тонкий мир", "Империя духа", "После конца"), "русские Фаусты" ("В Сырах" Э.Лимонова), императоры-антихристы ("Укус ангела" П.Крусанова), Ленины-Сталины-Соловьёвы-Фёдоровы-Скрябины (все романы В.Шарова).

Значительно популярнее лирического начала, отличавшего фигуру повествователя во многих повестях и рассказах 60-80-х годов, оказывается своеобразный брутальный автобиографизм: автор, подчас ничего не меняя в обстоятельствах своей судьбы, предстаёт героем художественного текста, настойчиво центрирует внимание читателя вокруг собственной персоны или маргинальных контекстов личного сознания.

Большинство повестей и романов Р.Сенчина (например, "Минус" "Нубук", "Вперёд и вверх на севших батарейках", "Информация") посвящены воспроизведению жизненных обстоятельств и размышлений самого автора, который часто даже не меняет имя героя, сопрягая его с собственной персоной. Подобного рода автобиографизм – удел "новых реалистов", противопоставляющих "ироническому" постмодернизму "серьёзность" авторских судеб. Так до последнего момента (роман "1993") работал С.Шаргунов ("Ура!", "Птичий грипп", "Книга без фотографий"), этому методу отдал должное З.Прилепин ("Грех", "Восьмёрка"). Нельзя забыть об А.Рубанове с его "Стыдными подвигами" и о Д.Чёрном ("Верность и ревность"). В пространстве автобиографизма есть и писатели, официально не причастные к "новому реализму". Например, А.Аствацатуров ("Люди в голом" и "Скунскамера") или Э.Лимонов ("В Сырах" и "Дед"). Особый тип силового автобиографизма, символически представляющего жизнь и веру автора, обнаруживаем в романах А.Проханова, совмещающего художественный и публицистический стили.

Два полярных уровня определяют атмосферу многих современных романов: с одной стороны, нарочитая, субъективная метафизичность – замена общего онтологизма художественной прозы минувших лет; с другой стороны, достаточно агрессивная телесность – знак "здоровой животности" человека наших дней. Не трудно заметить, что страдающим началом оказывается сложная душевная организация героя, классический психологизм, предусматривающий детальное воссоздание внутреннего мира.

Сложнее всего показать человека в естественной простоте, тишине и неповторимой индивидуализации душевной деятельности, когда личность, чуждая внешним эффектным ходам, открывает себя читателю в неторопливом мыслительном процессе. Так умели действовать Тургенев и Гончаров, Чехов и Горький, Леонов и Шолохов, Белов и Астафьев. Есть подобное стремление (причём на разных флангах литературного процесса) и в новейшей литературе: "1993" С.Шаргунова, "Письмовник" М.Шишкина, "Обитель" З.Прилепина, "Перевод с подстрочника" Е.Чижова. Но вместе с тем кризис классического психологизма в современной литературе очевиден. Если говорить о доминирующей в новейшей прозе личности, получится примерно следующее: человек есть пылающий ум, создающий метафизические идеи, отталкивающиеся от религиозной классики (Ю.Мамлеев, П.Крусанов, А.Проханов, М.Елизаров, Э.Лимонов, Ю.Козлов, В.Пелевин, В.Сорокин, А.Иличевский, М.Шишкин, А.Потёмкин); человек есть жаждущее и страдающее тело, стремящееся выстроить собственный сюжет (С.Шаргунов, З.Прилепин, Р.Сенчин, Д.Чёрный, А.Рубанов, М.Елизаров, М.Шишкин, Д.Гуцко, В.Попов).

Алексей ТАТАРИНОВ

В русской прозе последнего советского периода, словно не нуждающейся в постоянном объёмном подтверждении онтологического образа мира, господствовали жанры повести и рассказа. В новейшей отечественной литературе, лишённой концепции единого бытия, вновь и вновь сказывается желание "создать мир", доказать его целостный характер хотя бы для данного произведения. Следовательно, роман в словесности XXI века занимает доминирующие позиции, более того, подчас является единственным жанром, который фиксируется вниманием критики и литературоведения.

Роман – один из символов нашего времени: эффектные речи о реальности важнее, чем сама реальность, растворяющаяся в многообразии суждений о жизни и смерти. Роман ощущает себя силой, способной оправдать словесность, не допустить её поражения. И.Стогов написал объемное эссе о том, что у России нет ни Бога, ни истории. Его "Русская книга" издана как роман. Так легче обозначить присутствие цельного мира. Не самую значительную по объёму повесть "Пражская ночь" П.Пепперштейн объявляет "маленьким романом". В сборнике "Буратини. Фашизм прошёл" М.Елизаров советует слышать "монологи персонажей из ненаписанного романа". Те, кого называют "постмодернистами", просят, чтобы роман превратил в реальность рискованные фантазии и риторические эксперименты. "Новые реалисты" добиваются, чтобы их повествования о собственной жизни, воспоминания о детстве и депрессиях молодости получили художественный статус, оказались литературным сюжетом.

Рефлексивный характер новейшей прозы придаёт особый смысл категории прошедшего времени. С одной стороны, под пристальным вниманием писателей – минувшие эпохи: разумеется, дореволюционная Россия, но особого статуса удостаивается "советское" как проблема, вызывающая ностальгию и исключающая исчерпывающие формы решения. С другой стороны, очевидна "литературность" современной литературы: новейший писатель – не скрывающий своей зависимости читатель, путешествующий по мирам давно состоявшихся текстов.

Кратко скажем лишь об одной проблеме – о так называемом "советском дискурсе". Его активно защищают (пропагандируя советскую литературу) З.Прилепин, С.Шаргунов и Г.Садулаев. Метафизический уровень "советской империи" постоянно воссоздаёт в своих романах А.Проханов. Последовательное отрицание "советского" (иногда, впрочем, можно определить мягче – преодоление) встречаем в романах В.Лидского ("Русский садизм"), Д.Быкова ("ЖД"), Б.Акунина ("Аристономия"), Л.Улицкой ("Зелёный шатёр"), В.Пелевина (например, "Омон Ра"). Сложнее обстоит дело с художественным миром В.Сорокина. Для него "советское" – источник постоянного сарказма, но и – вдохновения, заставляющего снова и снова выстраивать сюжеты, воскрешающие коммунистическую действительность.

Литературный процесс шире и значительнее любой его концептуализации. Вышеуказанные тенденции многое определяют в современной художественной словесности, но есть ещё один важный момент – возрастающий интерес к тому, что мы привыкли называть реализмом.

Впрочем, лучше сказать по-другому: много лет русская литература в своих самых заметных текстах позиционировала себя между постмодерном и модерном, тяготея к последнему. Сейчас намечается иной сюжет: между модернизмом и реализмом, с большим вниманием к линейному повествованию и классике психологизма.

Смотрим на список финалистов "Большой книги – 2014" – пожалуй, самой влиятельной литературной премии в России. Есть здесь экспериментально-фрагментарный текст ("Теллурия" В.Сорокина), женская стилизация производственного романа ("Завод "Свобода" К.Букши), есть очередной объёмный знак веры писателя в субъективную вселенную ("Возвращение в Египет" В.Шарова), есть и совсем не динамичная система монологов, ещё раз ставящая под сомнение необходимость России ("Время second-hand. Конец красного человека" С.Алексеевич).

Удивило другое: стремление современных писателей рассказать целостные истории, создать не роман-идею или текст-концепт, а романное повествование, в котором "жизнь" (многообразие повседневного опыта в детализации частного существования) и "судьба" (философская адаптация "частного" и "случайного") пребывают в единстве. Так работают В.Ремизов ("Воля вольная") и А.Григоренко ("Ильгет. Три имени судьбы"). К нерациональной силе внутренней формы художественного повествования идут Е.Чижов ("Перевод с подстрочника") и З.Прилепин ("Обитель").

И справедливыми представляются мне итоги "Большой книги – 2014". В компромиссной точке *активного неомодернизма* встречаются *как бы реалист* Захар Прилепин с эпической "Обителью" (I место) и *как бы постмодернист* Владимир Сорокин с фрагментарной "Теллурией" (II место). Оба – не просто демиурги в границах художественного слова, а учителя, обладающие персональной вселенной и желанием утвердить её законы в расширяющемся от динамичных поисков российском пространстве.

Избежим пафосных рассуждений об опыте жизни, но для современной литературы конфликтная встреча двух идеологов – Прилепина и Сорокина – позитивна.

Успехи и... неудача

Валерий ТЕРЁХИН

Иван Ефремов / Ольга Ерёмина. Николай Смирнов. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 682[6] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1440)

Выход в свет наиболее полного сегодня жизнеописания Ивана Антоновича Ефремова вселял оптимизм. Казалось, закрыты последние "белые пятна" в биографии великого русского ученого, создателя тафономии – новой отрасли в палеонтологии, и не менее великого русского писателя, в лучших своих произведениях выведшего жанр фантастики, а вслед за ней всю застрявшую в трясине соцреализма русскую литературу, на рельсы нового литературного направления – мультивременной асинхронный реализм.

Прилежные биографы работали увлечённо и сумели проследить день в день трудную, извилистую и во многом счастливую судьбу, в общем-то, удачливого по жизни человека. Но одна из ветвей биографического повествования – литературное творчество И.Ефремова – вызывает вопросы. Становление творческого метода писателя, судьба романа "Час Быка", своеобразно преподнесённые в данном издании серии "ЖЗЛ", станет предметом дальнейшего обсуждения.

Вопросы к авторам возникают при чтении девятой главы жизнеописания, где излагается история создания романа "Час Быка", дотошно выискиваются методологические скрепы, к которым прибегнул И.Ефремов. Уже здесь ясно обозначилось нежелание соавторов замечать некоторые обстоятельства, связанные с предыдущим изучением творчества писателя. Нарративное пространство сложного, насыщенного негуманитарным материалом текста, вобравшего интеллектуальные достижения тысячелетней человеческой мудрости, побуждает вдумчивого читателя к его неоднократному повторному восприятию. Но в угоду соображениям далёкого от российских реалий гималайского менталитета соавторы занавесили изначальные смыслы книги невнятно скомканными формулировками, продиктованными идеологическими пристрастиями.

Идеологическая константа в оценке художественного произведения – не новость. Она доминировала в 1920-х гг., когда пролетарские писатели выдумывали угодную победившей идеологии – марксизму-ленинизму – новую российскую (советскую в ту пору) реальность, совпадающую с их идейной убежденностью. Апологет "Пролеткульта" Н.Чужак призывал к "волевой стандартизации литературы", которая, по его мнению, двояко выражалась в "установке *на завтра* и установке *на действие*" [*Чужак Н.* Без руля и ветрил (К нашей политике в литературе) // "Октябрь мысли". 1924. № 1. С. 46-47]. После ознакомления с текстом жизнеописания (далее в скобках указываются конкретные страницы) наличие в нём приснопамятной "установки" становится очевидным. Страницы книги изобилуют авторскими отступлениями, в которых отдельные элементы сложных литературных образов романа "Час Быка" "натягиваются" на заранее отлаженную идеологическую конструкцию, не имеющую отношения к литературе. Для начала обратимся к истории создания произведения.

В жизнеописании вскользь упоминается его первоначальная редакция: то ли "повесть" (с. 466, абзац второй), то ли "роман" (с. 466, абзац третий) под названием "Долгая Заря", которую(ый) Иван Антонович, якобы, обдумывал уже в 1961 году. Соавторы не удосужились сослаться на источник, хотя бы на тетрадь, сохранившуюся в архиве вдовы писателя, включить её сфотографированный титульный лист в чёрно-белую вклейку и т.п. В результате размывается хронология. Ведь "в интервью с автором", о котором мимоходом обмолвились Г.Еремина и Н.Смирнов (с. 486), (имеется в виду материал: "Как создавался "Час Быка". Беседа с Иваном Ефремовым Г.Савченко. – "Молодая гвардия". 1969. № 5. С. 307-308), сам писатель чётко указал: "Три года я роман писал". Любопытно, при исследовании предыдущего шедевра Ефремова "Туманность Андромеды" была упомянута в качестве источника статья писателя "На пути к роману "Туманность Андромеды" (с. 286). Но, приступая к разбору романа "Час Быка", авторы не удосужились воспроизвести название опубликованной в 1969 году беседы. А ведь замысел и его реализация – разные стадии творческого процесса. Из путанных объяснений "долгозаревской" версии вырисовывается следующее: Ефремов начал в указанный срок (1961 г.) работу над "повестью", которую приостановил, чтобы возвратиться вскоре к "мыслям о новом романе" (с. 466). К сожалению, не выдвинуто каких-либо веских доказательств (сопоставление структуры сюжетов, коллизий, характеров), убеждающих в том, что "Долгая Заря" является первым реальным наброском романа "Час Быка" (срок исполнения замысла удлиняется в таком случае с трёх лет до семи, а это важно).

Между тем соавторы гнут свою линию: "Давно задуманная повесть – "Долгая Заря" – слишком долго ждёт" (с. 466). "В 1964 году "Долгую Зарю" вновь пришлось отложить". Ну, а причина? "Последние повести Бориса и Аркадия Стругацких – "Далёкая радуга" и "Трудно быть богом" – вызвали пристальное внимание партийного руководства к социологической линии в советской фантастике. … Ефремов опасался: если "Долгая Заря" выйдет в свет и привлечёт внимание критики, то плохо осведомлённое партийное начальство может принять какие-нибудь меры, губительные для молодых фантастов" (с. 468-469).

К сожалению, в современном российском литературоведении стало традиционным уравнивать значение творчества Стругацких и Ефремова (с подчинённой ролью второго). Выдающийся советский фантаст последней трети XX века Арк. Стругацкий и великий русский писатель второй половины XX века И.Ефремов (наравне с М.Шолоховым, А.Солженицыным, Л.Леоновым, невзирая на их неурядчивые или комплементарные отношения между собой и с властью) – величины в творческом отношении несопоставимые. Не приведена ссылка на источник (единица хранения ЦГАЛИ, цитата из письма, набросска), подтверждающий сам факт "опасения". Приведённая выше цитата, скорее, свидетельствует о скрупулезном исполнении соавторами социального заказа обильно финансируемого прежде стругацковедения, поблекшего в последние годы в читательских глазах (что выразилось и в падении тиражей) на фоне неостановимого роста интереса к произведениям И.Ефремова.

Может, потому блистательное литературоведческое исследование "Лезвия бритвы" в восьмой главе жизнеописания разительно отличается от тенденциозного разбора романа "Час Быка", подчинённого узкопартийной цели, суть которой: поддержка рушащейся литературной группировки стругацковедов, ретуширование её обломившихся, чуждых соборной многоконфессиональной российской культуре мировоззренческих скреп. Под сурдинку рассуждений о героике образов экипажа звездолёта "Тёмное пламя" в девятой главе выполняется идеологическая задача, обставленная псевдолитературоведческими ширмами: навязать формирующемуся в новой России мультикультурному сообществу последователей Ивана Антоновича Ефремова псевдоучение о Живой Этике; выхолостить живую мысль романа, отвратить его читателей от самостоятельного осмысления текста.

Г.Ерёмина и Н.Смирнов ничтоже сумняшеся заявляют: "Учитывая, что литературоведами книга совершенно не исследована, многие вещи необходимо проговорить, хотя и по возможности кратко" (с. 490). Хотелось бы им напомнить: роман "Час Быка" был впервые исследован мною во взаимосвязи с развитием мировой фантастики как направления в мировой литературе, зарождением и становлением внутри неё жанров утопии и антиутопии в авторской монографии "Иван Ефремов – провозвестник мультивременного асинхронного реализма (М.: "ТЕИС", 2002; М.: "Знак", 2009, 2-изд). В неё была включена отдельная глава 5 "Роман "Час Быка". История создания книги и её судьба". В главе 6 "Стиль И.А. Ефремова" в том числе на основе указанного произведения были определены основные стилевые приёмы писателя, принципы построения художественного текста и многое другое. Ныне названный труд включён в каталоги всех научных библиотек Российской Федерации, национальной библиотеки Республики Беларусь, в каталоги библиотек университетов Торонто (Канада), штата Висконсин и Стэндфордского университета (США). Это был первый реальный шаг в постсоветском российском литературоведении к осмыслению великого произведения, расцененный в литературоведческом сообществе как "безусловный исследовательский успех" (*Комиссаров В.В.* Футуристические проекты И.А. Ефремова и братьев Стругацких в реалиях начала XXI столетия // "Интеллигенция и Мир". 2009. № 3. С. 102).

Не знать об этой монографии соавторы жизнеописания Ефремова не могли. Ведь они ссылаются на диссертацию "современной исследовательницы Е.А. Мызниковой" (с. 452, URL-ссылка на автореферат), которая особо выделила мой труд: "Наиболее весомой нам представляется работа В.Терёхина "Иван Ефремов – провозвестник мультивременного асинхронного реализма". В указанном исследовании В.Терёхин анализирует роман "Час Быка": выходит на жанровый контекст и сопоставляет творчество И.Ефремова с творчеством братьев Стругацких, что является одной из немногих иллюстраций пресловутого спора между писателями". (*Мызникова Е.А.* Научно-художественный синтез в рассказах И.А. Ефремова 1940-х гг. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Барнаул, 2012. С. 4). Не прочитать этих строк соавторы не могли. Изданные труды о И.А. Ефремове – писателе, до сих пор можно пересчитать на пальцах одной руки. В чём же причина такого нарочитого "незамечания"?

Ответ прост: в моей монографии есть строки, определяющие значение "Часа Быка" не только для русской и мировой литературы, но и всего сверхсложного современного мира: "идея русского пути развития планеты Земля, ясно высказанная… в романе "Час Быка"" (*Терёхин В.Л.* Утаённые русские писатели. М.: Знак, 2009. С. 166). Позволю себе напомнить Г.Ерёминой и Н.Смирнову слова, прозвучавшие из уст столь любимой ими Фай Родис (в которых отразилась искренняя убеждённость самого Ивана Ефремова): "Россия… пошла великим путём по лезвию бритвы между гангстеризующимся капитализмом, лжесоциализмом и всеми их разновидностями. Русские решили, что лучше быть беднее, но подготовить общество с большей заботой о людях и с большей справедливостью, искоренить условия и самое понятие капиталистического успеха, искоренить всяческих владык, больших и малых, в политике, науке, искусстве. Вот ключ, который привёл наших предков к Эре Мирового Воссоединения" (*Ефремов И.А.* Собр. Соч.: В 5 т. Т. 5. Кн. 2 Час Быка. – М.: "Мол. гвардия", 1989. С. 129). Может, именно эти строки вызывают неприятие у соавторов?

В главе девятой жизнеописания упомянутому роману посвящён раздел "Час Быка: утопия против антиутопии" (с. 489). Лучшего способа перечеркнуть провиденциальное значение произведения соавторы не нашли: если жизнь на Тормансе и впрямь зловещая антиутопия, то в этой нехитрой дихотомии утопией (следуя логике авторов) является реальность, в которой пребывают люди с преображённой прекрасной Земли "4030 года" н.э. (*Константинов А.* Хронология в романе И.А. Ефремова "Час Быка" // Материалы X Ефремовских чтений). Соавторы жизнеописания отнимают надежду у новых поколений читателей. Новообращённые последователи великого учения Ивана Ефремова, восхищённые образами романа "Час Быка", могут задуматься: стоит ли посвящать свою жизнь "утопии"? Напомним, утопия (гр. *u* не, нет + *topos* место, буквально "место, которого нет", "изображение идеального общественного строя, лишённое научного обоснования" (Словарь иностранных слов. 15-е изд. М.: "Русский язык", 1988. С. 516). Сформулированное мною новое литературное направление – мультивременной асинхронный реализм позволяет устранить это противоречие. Тезис – утопия, антитезис – антиутопия, синтезис: новая неизбежная в будущем художественная реальность, протекающая в едином хронологическом срезе, где сосуществуют разумные существа с разных планет, из не совпадающих временных промежутков, облагораживающие Вселенную.

Вернёмся к безграмотному оформлению источников. Вообще это беда книги. Так, на стр. 641 даётся некорректно оформленная ссылка (строки из письма Ивана Антоновича профессору Олсону): "*Ефремов И.А.* Переписка с учёными. Неизданные работы. М., 1994. С. 189-190", позаимствованная, скорее всего, с URL-ссылки, приведённой в книге "Утаённые русские писатели" (М., 2009, с. 168): "*Ефремов И.А.* Переписка с учеными. Неизданные работы. РАН, "Научное наследство". М.: Наука, 1994. Т. 22. С. 189-190. См. также: http://www.noogen.narod.ru/iefremov/Academy/101_148.htm". Пусть даже соавторы жизнеописания впопыхах не совсем верно скопировали из html-файла (вместе со строками письма) источник в редактируемый doc-файл, в конце концов, масштабность проделанной ими работы оправдывает мелкие не существенные огрехи. Но обратим внимание на небрежность редактора, ведь он-то обязан знать, что, указывая в качестве источника книги серии "Литературное наследство", надо проставлять номер тома. Хороши и корректоры, которые оставили (проще прозевали) букву "ё" в словосочетании "с учёными". Менять буквы произвольно (пусть и с благой целью повысить роль буквы "ё") в заголовке изданного в прежние советские времена источника – местечковая безграмотность и вопиющая некомпетентность. Допускаю, что из-за нехватки времени у соавторов не дошли руки до редкой книги данной серии, изданной тиражом 940 экземпляров, и они "сняли цитату", перейдя по URL-ссылке на сайт "Ноогена", а потом прибавили (как признак самостоятельной, якобы, работы): "…и даже в Китае, Индонезии и Африке…".

По ходу прочтения жизнеописания вопросы к работе редактора и корректоров (или, точнее, её отсутствию) множатся. Читателей потчуют устаревшими и просторечными союзами и местоимениями, пригодными для канцелярского отчёта губернского столоприсутствия: "…можно подумать о Таис, коли будет на то Божья воля…" (с. 483); "…рубеж познания, для преодоления коего требуются особые условия…" (с. 514); "Сергий был не просто одним из святых, коих немало" (с. 524). Неприятный осадок оставляют тяжеловесные синтагмы, выдающие неуверенность редактора в построении фразы на русском языке: "Однако Ефремову удалось уговорить его заночевать, выспросить, в чём он нуждался, и сделать ему хороший подарок" (с. 277). Не лучше ли: "Но Ефремов уговорил его заночевать, выспросил, в чём он нуждается, и сделал ему хороший подарок"?

Авторам не хватает усидчивости, чувствуется, что шумные форумы в Вырице они любят больше, чем кропотливое и утомительное многочасовое чтение в библиотеках. Этот недостаток с лихвой восполняют "лирические отступления" (а ля-Гоголь): поток сознания, пригодный для приключений в духе Толкиена, и не имеющий никакого отношения (как и навязываемая неискушённым читателям Живая Этика) к реальной научной, творческой и жизненной биографии И.Ефремова, см.: "Душу надо спасать! Ради этого явились на свет (кто – пигмеи? – *В.Т.*), и Последние Времена уже лижут тёмным пламенем (может, лучше "стремительным домкратом"? – *В.Т.*), опаляя души трансперсональной жутью коллективного бессознательного эпохи…" (с. 402).

Мне посчастливилось прочесть роман "Час Быка" осенью 1976 года в возрасте 10 лет – №№ 1-4 журнала "Молодая гвардия" за 1969 год, сохранённые втайне отцом (по квартирам, между прочим, шастали "сотрудники" в штатском, выспрашивали экземпляры, изымали их). Судьба уберегла ангажированных "перестроечных" поклонников Ефремова от репрессий, которые обрушились на первых читателей великого произведения в конце 1970-х – начале 1980-х гг., нередко откладывавших в сторону "Архипелаг ГУЛАГ" ради прочтения "Часа Быка". Об не следует забывать именитым соавторам.

Невычитанный, небрежно скомпилированный текст последних глав биографии, теоретическое дилетантство и позорная редакторская безграмотность нельзя списывать на то, что жизнеописание Ивана Ефремова сдавалось в печать впопыхах. Начётничество, литературоведческая некомпетентность, назойливое стремление переориентировать читательский интерес на оккультизм уводит новых искренних последователей творчества и учения Ивана Антоновича Ефремова в никуда.